

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ В ПОИСКАХ ДУХОВНОСТИ: ЭТИКА Н.А. БЕРДЯЕВА

Т.А. Гнилозубова

Статья посвящена осмыслению основных теоретических положений этики отечественного философа Н.А. Бердяева. Продемонстрировано применение Н.А. Бердяевым определенных этических принципов на основе его интерпретации мирозерцания русского писателя Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: этика, русская философия, персонализм, философская антропология.

Специфической чертой русской философии является стремление к духовности. По словам профессора М.А. Маслина, русская философия есть «органическая часть всеобщей истории философии, являющаяся специфическим отображением многовековой истории развития русского самосознания, выраженная в идеях, взглядах и концепциях, отражающих национально-своеобразное осмысление универсальных философских проблем» [4, с. 476].

По мнению Н.В. Мотрошиловой, «проблема специфики русской философии уходит своими корнями в осмысление особенностей отечественной культуры, русского национального самосознания и в исследование взаимодействия философствования в России с философскими идеями, концепциями Запада и Востока» [3, с. 250]. Она выделяет следующие особенности русской философии: 1) «глубокое осмысление ею кризиса мировой философской мысли и культуры и поиски новых путей, образцов (парадигм) философствования»; 2) «борьба против абстрактности классической мысли, против «отвлечённых начал»; 3) фронтальная критика рационализма западной философии нового времени; 4) акцентуация темы «изначально и объективно данного единства космоса, природы, человека, Бога, единства жизни, истории и познания» в русской религиозно-космологической метафизике; 5) стремление «мыслителей России органически объединить гносеологию, новую онтологию со смысложизненными, этическими, эстетическими измерениями бытия и познания. При этом экзистенциально-персоналистические акценты, опять-таки объединённые с религиозными началами, оказались в центре внимания» [3, с. 250–253].

Пятая особенность русской философии, по мысли Н.В.Мотрошиловой, заключается в том, что в философии конца XIX – начала XX века были объединены и развивались вместе три части, три ветви философии – онтология (теория бытия), гносеология (теория познания) и этика (теория нравственного действия). Этика была неотъемлемой составляющей философских систем в России, что свидетельствует об общем стремлении русской философии к духовности.

В представленном исследовании рассматривается тема духовных исканий в русской философии на примере этики Николая Александровича Бердяева (1874–1948). Вопросы этики разрабатываются русским философом в его программной статье «Моё философское миросозерцание» и в книге «Миросозерцание

Достоевского». Суть понимания Н.А. Бердяевым вопросов этики содержится в следующих тезисах:

– «Основой этики является персонализм. Нравственные суждения и акты всегда личностны и индивидуальны, они не могут определяться понятиями и выбором коллектива или общества. Различение между добром и злом есть следствие грехопадения. Райское существование находится выше добра и зла» [2, с. 27].

– «Существуют три вида этики: этика закона, этика искупления и этика творчества» [Там же].

– «Этика закона наиболее распространена среди греховного человечества. Этика закона есть этика социальной обыденности, она основана на подчинении человека нормам, для нее не существует человеческой индивидуальности. У нее человек для субботы. Однако «добрые», которые соблюдают закон, оказывались часто «злыми». В этой этике господствует идея абстрактного добра. Этика закона нашла свое крайнее выражение в фарисействе. Это нормативная этика» [Там же].

– «Этика искупления исходит из живого человеческого существа, а не из абстрактной идеи добра» [Там же].

– «Этика творчества основана на творческих дарованиях человека. Творческий акт имеет нравственное значение, и нравственный акт есть творческий акт. Истинный нравственный акт уникален, он не может повториться. Нравственный акт есть не выполнение закона, нормы, а творческая новизна в мире. Всякий творческий акт имеет нравственное значение, будь то творчество познавательных или эстетических ценностей» [Там же].

– «Этика связана с эсхатологической проблемой, проблемой смерти и бессмертия, ада и неба. Ад находится в субъективном, а не в объективном, и он остается во времени, в бесконечном времени, не переходит в вечность. Онтология вечного ада невозможна. Ад создан «добрыми» для «злых», к потому они оказываются злыми. Царство Божие по ту сторону нашего здешнего «добра» и «зла», и мышление о нем может быть лишь апофатическим» [Там же].

Как отмечает А.Г. Мысливченко, у Бердяева философская антропология и этика тесно взаимосвязаны, в центре мировоззрения философа располагается проблема человека: «Он (Н.А. Бердяев – Т.Г.) определяет человека как существо противоречивое и парадоксальное, совмещающее в себе противоположности, ибо оно принадлежит к двум мирам природному и сверхприродному. Духовная основа человека не зависит от природы и общества и не определяется ими. Человек, по Бердяеву, есть загадка не в качестве организма

или социального существа, а именно как личность. <...> Личность... это не биологическая или психологическая категория, а этическая и духовная. <...> Иными словами, личность – это микрокосм, универсум в индивидуально неповторимой форме, соединение универсального и индивидуального. Тайна существования личности – в её абсолютной незаменимости, в её однократности и несравнимости. Личность призвана совершать самобытные, оригинальные творческие акты» [5, с. 441].

Бердяев отводил важную роль этике в познании духа, при этом «этика творчества» русского философа противоположна «этике закона», взятой в ее социально-обыденной форме. «Этике закона, – пишет А.Г. Мысливченко, – Бердяев противопоставляет этику творчества, которую называет теоандрической (богочеловеческой). Новое в этике творчества заключается в том, что она утверждает приоритетную ценность индивидуального и единичного. По пути этого утверждения шли Кьеркегор, Ницше, Ибсен, Достоевский, Шелер и другие экзистенциальные мыслители. Этика творчества есть этика энергетическая, ибо в основе жизни лежит энергия, а не закон. Борьба со злом должна происходить не столько пресечением его, сколько творческим осуществлением добра и преображением злого в доброе» [5, с. 441]. Интересно также суждение А.Г. Мысливченко о новой, эсхатологической этике Н.А. Бердяева, направленной на превращение учения о добре «в профетическое учение о сверхдobre» [Там же, с. 442–443].

Для того, чтобы понять, как интерпретирует Н.А. Бердяев мировоззрение и творчество Ф.М. Достоевского, как решаются этические проблемы русским философом, необходимо обратиться к его работе «Мирозерцание Достоевского». В четвёртой главе этой книги Н.А. Бердяев пишет о теме зла в творчестве Достоевского: «Бог именно потому и есть, что есть зло и страдание в мире, существование зла есть доказательство бытия Божьего. Если бы мир был исключительно добрым и благим, то Бог был бы не нужен, то мир был бы уже богом. Бог есть потому, что есть зло. Это значит, что Бог есть потому, что есть свобода» [1, с. 58].

Н.А. Бердяев утверждает, что Ф.М. Достоевский не только антрополог, но и криминалист, поскольку тема зла, и тема преступления являются основными в творчестве писателя. Причем Достоевский, по словам Бердяева, «раскрывает онтологические последствия преступления» [Там же, с. 59]. Как же понимал Достоевский зло? По словам Н.А. Бердяева, «вся духовная природа Достоевского восставала против внешнего объяснения зла и преступления из социальной среды

и отрицания на этом основании наказания. Достоевский с ненавистью относился к этой позитивно-гуманитарной теории. Он видел в ней отрицание глубины человеческой природы, отрицание свободы человеческого духа и связанной с ней ответственности» [Там же, с. 60].

Главное заключается в следующих словах философа: «Зло заложено в глубине человеческой природы, в её иррациональной свободе, в её отпадении от природы божественной, оно имеет внутренний источник» [Там же]. Итак, внутренний источник зла заложен в глубине человеческой природы, а вовсе не коренится во внешних условиях жизни человека, например, в социальной среде, в которой неизбежно находится человек – ведь жить в обществе и быть свободным от общества нельзя.

Достоевский не снимает ответственности человека за зло только потому, что это зло, якобы, явилось следствием внешних по отношению человека обстоятельств. Именно эту мысль подчёркивает русский философ. «В гневе Достоевского, в его жестокости звучит голос, восставший за достоинство человека и за его первородство. <...> Зло есть знак того, что есть внутренняя глубина в человеке. Зло связано с личностью, только личность может творить зло и отвечать за зло. Безличная сила не может быть ответственна за зло, не может быть его первоисточником. Отношение к злу связано у Достоевского с его отношением к личности, с его персонализмом» [Там же].

Учение Достоевского о страдании в жизни человека – одна из главных интуиций в его антропологии. Н.А. Бердяев пишет о том, как связаны эти две темы в мирозерцании Достоевского – тема зла и тема страдания [Там же].

Этические проблемы, согласно Бердяеву, Достоевский решает, как христианский писатель, и в этом заключается его оригинальность, неповторимость, самобытность его христианского сознания и антропологии. Именно христианство привносит в духовный, внутренний мир Достоевского высокие идеи и высокие способы решения этических проблем, которые ставит писатель. Всё его антропологическое учение проникнуто любовью к Человеку, к его Жизни как самой высокой ценности, к его внутренним, духовным качествам, способности творить добро и отвечать за содеянное им зло. Достоевский не снимает с Человека ответственности за зло и не оправдывает его внешними обстоятельствами. «Природа зла – внутренняя, метафизическая, а не внешняя, социальная» [Там же, с. 61].

Н.А. Бердяев пишет и о другой стороне отношения писателя ко злу – «имманентное постижение зла»: «Имманентный опыт зла

изобличает его ничтожество; в этом опыте сгорает зло и человек приходит к свету. Но эта истина опасна, она существует для подлинно свободных и духовно зрелых. От несовершеннолетних она должна быть скрыта. И потому Достоевский может казаться опасным писателем, его нужно читать в атмосфере духовной освобождённости» [Там же]. Достоевского, по мысли Бердяева, может читать только духовно зрелый человек, у которого есть точное представление о добре и зле, который духовно свободен.

Он также пишет об «эволюционном оптимизме, защищаемом многими теософами» [Там же, с. 62]. Суть этого учения – мысль о том, что «зло есть недостаток добра или этап в развитии добра», но Ф.М. Достоевский в понимании Н.А. Бердяева «менее всего был эволюционистом» [Там же]. Достоевский, подчеркивает Бердяев, решает проблему зла следующим образом: «Можно обогатиться от опыта зла, достигнуть больше остроты сознания, но для этого нужно пройти через страдание, испытать ужас гибели, изобличить зло, ввергнуть его в адский огонь, искупить свою вину. Зло связано со страданием и должно привести к искуплению. Достоевский верить в искупающую и возрождающую силу страдания. Для него жизнь есть прежде всего искупление вины через страдание. Поэтому свобода неизбежно связана с искуплением» [Там же].

В работе Бердяева рассматривается еще одна острая проблема, которую можно обозначить как проблема «всё дозволено», логически связанная с другой проблемой – «одержимости “идеями”» [Там же]: «Когда пошёл человек путём свободы, – пишет он, – перед ним встал вопрос, существуют ли нравственные границы его природы, на всё ли он может дерзнуть. Свобода, переходящая в своеволие, не хочет уже знать никаких святынь, никаких ограничений. Если нет Бога, если сам человек бог, то все дозволено. И вот человек испытывает свои силы, своё могущество, своё призвание стать человекобогом. Человек делается одержимым какой-нибудь “идеей”, и в этой одержимости начинает угасать его свобода, он становится рабом какой-то посторонней силы» [Там же, с. 63]. Итак, проблема “всё дозволено” связана с проблемой свободы, переходящей в своеволие. Если свобода не знает ограничений, если человек становится сам богом, то наступает именно этот эффект – вседозволенности. Как показывает Достоевский, процесс снятия ограничений и переход в своеволие может быть результатом «одержимости “идеями”».

Н.А. Бердяев критически осмысляет “идею” Раскольникова в романе Достоевского «Преступление и наказание». Философ приходит

к выводу, что «никакая “идея”, никакие “возвышенные” цели не могут оправдать преступного отношения к самому последнему из близких» [Там же, с. 64]. Христианское сознание писателя открывает следующую истину, и Бердяев её «прочитывает»: «Человек, который мнил себя Наполеоном, великим человеком, человекобогом, преступив границы дозволенного богоподобной человеческой природой, низко падает, убеждается, что он не сверхчеловек, а бессильная, низкая, трепещущая тварь» [Там же]. Следовательно, границы дозволенного ставит сама человеческая природа, и эти границы обусловлены тем, что природа Человека богоподобна.

Анализируя мирозерцание Достоевского, Н.А. Бердяев пишет о той глубине, с какой изображает писатель Человека. Этические, метафизические проблемы решаются писателем со свойственной ему оригинальностью, которая определяется его философским мировоззрением. «Достоевский исследует и обнаруживает муки совести и покаяние на такой глубине, на которой они до сих пор не были видимы, он открывает волю к преступлению в самой последней глубине человека, в тайных помыслах человека» [Там же, с. 67]. “Муки совести”, “воля к преступлению”, “тайные помыслы человека” – такими этическими категориями пользуется русский философ, анализируя творчество Достоевского. Бердяев показывает, что «у Достоевского необычайно углубляется и истончается работа совести, она обличает преступление, ускользающее от всякого государственного и человеческого суда» [Там же, с. 68].

Как иллюстрацию к своим мыслям Бердяев приводит судьбу главных героев романа Достоевского «Братья Карамазовы» – Ивана и Дмитрия Карамазовых. Иван переживает страшные муки совести оттого, что имел тайные помыслы, оправдывающие отцеубийство. Бердяев с необычайной ясностью в своём философском анализе показывает «идейную диалектику» Ивана Карамазова: «Иван Карамазов не убивал отца своего Фёдора Павловича Карамазова. Убил его Смердяков. Но Иван Карамазов казнит себя за преступление отцеубийства, муки совести доводят его до безумия. Он доходит до последних пределов раздвоения личности. Внутреннее зло его является ему как другое его “я” и терзает его. В тайных помыслах своих, в сфере подсознательного, пожелал Иван смерти отца своего, Фёдора Павловича, дурного и безобразного человека. И он же всё время разговаривал о том, что “всё дозволено”. Он соблазнял Смердякова, поддерживал его преступную волю, укреплял её. Он – духовный виновник отцеубийства, Смердяков – его второе, низшее “я”. Ни суд

государственный, ни суд общественного мнения ни в чём не подозревает и не обвиняет Ивана, не доходит до этой глубины. Но он сам переживает муки совести, от которых горит в адском огне его душа, мутится его ум. Ложные, безбожные “идеи” довели его до тайных помыслов, оправдывающих отцеубийство» [Там же, с. 68].

Итак, Ф.М. Достоевский исследует метафизические, этические причины преступления, которые коренятся в глубине природы человека. Н.А. Бердяев показывает скрытые духовные причины преступления. «Убийство в духе» – вот самое страшное убийство. И если человек – личность, то он несёт ответственность за это убийство, совершённое в духе. А физическое убийство, которое следует из духовного убийства, совершит уже другой. «Мы убиваем наших ближних не только тогда, – пишет Бердяев, – когда приканчиваем их физическую жизнь огнестрельным или холодным оружием. Тайный помысел, не всегда входящий до человеческого сознания, направленный к отрицанию бытия нашего ближнего, есть уже убийство в духе, и человек ответственен за него. Всякая ненависть есть уже убийство» [Там же]. Аналогичная ситуация имела место и в случае Дмитрия Карамазова, который «не убивал своего отца и пал жертвой несправедливого суда человеческого. Но он сказал: “Зачем живёт такой человек?” И этим он совершил отцеубийство в глубине своего духа» [Там же, с. 69]. Вывод, который делает философ, таков: «Вся психология отцеубийства в «Братьях Карамазовых» имеет очень глубокий, сокровенный символический смысл. Путь безбожного своеволия человека должен вести к отцеубийству, к отрицанию отчества» [Там же].

Таким образом, Н.А. Бердяев выявляет в творчестве Ф.М. Достоевского следующие проблемы: 1. Проблема зла. 2. Проблема преступления. 3. Проблема “всё дозволено”. Из этой проблематики логически следует ещё одна, очень важная проблема в миросозерцании Ф.М. Достоевского – проблема бессмертия. Бердяев подчеркивает, что проблема зла и проблема преступления связана у писателя с проблемой бессмертия [Там же]. Он отмечает, что «примитивный небесный утилитаризм», выражаемый в представлении о неизбежности наказания человека за зло и преступление в вечной жизни и вознаграждении за добро, был чужд Достоевскому [1, с. 69–70]. По словам Бердяева, Достоевский, решая проблему зла и преступления «хотел сказать, что всякий человек и его жизнь в том лишь случае имеет безусловное значение и не допускает обращения с ним как со средством для каких-либо идей или интересов, если он – бессмертное существо» [Там же, с. 70]. Итак, человек для Достоевского не средство,

а бессмертное существо. Русский писатель решал вопрос: кто же Человек – «бессмертный дух, имеющий вечную судьбу» или «преходящий эмпирический феномен, пассивный продукт природной и социальной среды»? «Во втором случае человек не имеет безусловной цены. Не существует зла и преступления. Достоевский защищает бессмертную душу человека. Бессмертная душа, значит также и свободная душа, имеет вечную, безусловную цену. Но она также ответственная душа. Признание существования внутреннего зла и ответственности за преступления означает признание подлинного бытия человеческой личности» [Там же].

Главный тезис, который выдвигает Н.А. Бердяев, заключается в следующем: «В центре нравственного мирозерцания Достоевского стоит признание абсолютного значения всякого человеческого существа» [Там же]. С этим тезисом связан нравственный пафос Достоевского: «Жизнь и судьба самого последнего из людей имеет абсолютное значение перед лицом вечности. Это – вечная жизнь и вечная судьба. <...> В каждом человеческом существе нужно чтить образ и подобие Божие. И самое падшее человеческое существо сохраняет образ и подобие Божье» [Там же].

Рассуждения Н.А. Бердяева, раскрывающие суть «моральной диалектики» Достоевского, имеют для каждого из нас практическое значение: «Человек, который убивает другого человека, убивает самого себя, отрицает бессмертие и вечность в другом и в себе. <...> Не утилитарный страх наказаний должен удерживать от преступлений и убийства, а собственная бессмертная природа человека, которая преступлением и убийством отрицается» [Там же, с. 70–71].

Н.А. Бердяев показывает, что Достоевскому было свойственно двойственное отношение к страданию, писатель проповедовал не только сострадание, но и страдание. Бердяев образно выражает эту мысль словами: «сердце Достоевского вечно сочилося кровью» [Там же, с. 71].

Поднимая тему страдания невинных детей, Достоевский, по словам Бердяева, «до глубины понимал бунт против миропорядка, купленного ценою страшных страданий, слёз невинно замученных детей. Он весь исходил от бесконечного сострадания. И устами Алёши от ответил на вопрос Ивана, согласился ли бы он «возвести здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им, наконец, мир и покой», если бы «для этого необходимо и неминуемо предстояло замучить всего лишь одно крохотное созданище, вот того самого ребёночка, бившего себя кулачком в грудь, и на неотмщённых слезах его основать это здание»: «Нет, не согласился бы»» [Там же].

Итак, Бердяев показывает логическую связь перечисленных выше моральных проблем в миросозерцании Ф.М. Достоевского: проблемы свободы, проблема зла, проблема страдания, проблемы искупительной силы страданий. Призывая к страданию, говорит Бердяев, Достоевский верил в его искупительную силу, рассматривая страдание как «знак высшего достоинства человека, знак свободного существа» [Там же, с. 72]. На основе философского анализа мировоззрения Достоевского Бердяев обсуждает важную этическую проблему – условия достижения личностью цельности. Философ говорит об опасности потери личностью цельности через ее раздвоение: «Беспредельная и пустая свобода, свобода, перешедшая в своеволие, безблагодатная и безбожная свобода не может совершить избрания, она тянется в стороны противоположные. Поэтому раздваивается человек, у него образуются два “я”, личность раскалывается» [Там же]. Логическим концом такого раздвоения является персонификация внутреннего зла. Поэтому необходимо прекратить раздвоение и избрать подлинное человеческое бытие.

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 томах. М.: Издательство «Искусство», 1994. Т. 2. С. 7–151.
2. *Бердяев Н.А.* Моё философское миросозерцание // Н.А. Бердяев: pro et contra. Кн. 1. Сост., вступ. ст. и примеч. А.А. Ермичева. СПб., РХГИ, 1994. (РУССКИЙ ПУТЬ. Т. 1). С. 21–27.
3. История философии: ЗАПАД – РОССИЯ – ВОСТОК. Книга третья: Философия XIX–XX в. / Под ред. Проф. Н.В. Мотрошиловой и проф. А.М. Руткевича. Учебник для студентов высших учебных заведений. Второе издание. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 1999.
4. *Маслин М.А.* Русская философия // Русская философия: Энциклопедия / Под общ. Ред. М.А. Маслина. Сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков. М.: Алгоритм, 2007. С. 476–481.
5. *Мысливченко А.Г.* Экзистенциально-персоналистическая философия Н.А. Бердяева // История русской философии: Учебник для вузов / Редкол.: М.А. Маслин и др. М.: Республика, 2001. С. 435–447.

Gnilozubova T.A. Russian philosophy in search of spirituality: N.A. Berdyaev's ethics.

The article is devoted to the understanding of the main theoretical provisions of the ethics of the Russian philosopher N. A. Berdyaev. The application of N.A. Berdyaev of certain ethical principles based on his interpretation of the worldview of the Russian writer F.M. Dostoevsky.

Key words: ethics, Russian philosophy, personalism, philosophical anthropology.